
Я шепчу вникуда: «немогузаберизабери».
Этот мир мне велик – чей-то щедрый подарок на вырост,
Только давит в плечах сонный дом, душит ворот двери,
Но запаса тепла не хватает. Туманная сырость
Скользко вьется, как шарф. Все страшнее в толпе одному,
Неуютнее строим шагать на дневную повинность
Через пыль дождевую, дорог равнодушную муть
И рекламу ненужных вещей и отравы-на-вынос.
Паутинки мороза асфальт подо мной серебрят –
И серебряной лапой тревога скребет в миокарде.

Это возраст, усталость, минутная боль октября
Или страшный симптом нездоровья душевного в карте?

Слышали новость? В четверг с утра небо держало большой
совет,
И председатель сказал: «Пора что-то менять. Среди всех
планет —

Только у нас за войной война, только у нас без вины —
на крест,

Каждой ошибке — своя цена: в петлю, в монахи и под
арест.

В вихре крестин-похорон-женитьб люди забыли о нас
совсем.

Хватит их раем уже дразнить, адом пугать, как
детей, зачем?

Пусть их — живут и живут себе, новых рожают, спешат
стареть.

Если свободу вручил толпе, нет больше смысла брать
в руки плеть.

Хочешь им счастья — так сразу дай ключик к мечте,
покажи маршрут.

Разве им будет твой нужен рай? Слушай, оставь их, пускай
живут».

Только в ответ усмехнулся Бог: «Воля дана, чтобы встать
с колен,

Выбрать свою среди ста дорог. Если кто верует — тот
блажен.

Как-то я, знаешь, устал от слуг — скучен церковный парад-
алле.

Люди вернутся ко мне, мой друг, — пусть поблуждают
пока во мгле».

«Что в протокол записать, Господь? Мне документ
отправлять в Синод,

Сразу бы копию подколоть». Ангел склонился, строчит
в блокнот:

«Жизнь испытает огнём и льдом,

Звёзды мерцают в конце пути.

Там тебя ждет настоящий дом.

Верь. И ты сможешь его найти"

Смерть меняет лица и пароли – в тюрьмах, блиндажах и на вокзалах,
В сорок первом в поселковой школе накануне выпускного бала,

Накануне майского парада – йодным жаром в городе
Полыни,
Обернется раскаленным адом Курской битвы и на дне
застынет

В корпусе стальной подводной лодки, спрячется в
последнем жадном вдохе,
В фронтовых ста граммах чистой водки, в толкотне
ходьинской суматохи,

Дышит в шею, гладит по затылку с первых материнских
слабых схваток
И катает тающим обмылком между пальцев дней сухой
остаток,

А зацепит безучастным взглядом - продерёт ознобом до
мурашек.
Ходит следом, ходит где-то рядом, а когда к тебе придет –
не скажет.

Тёмное эго, мой Хайд, мой дарк-сайд
Скоро родится, щекочет под рёбрами –
Только лови-обмывай-пеленай,
Грифель наточен, а пластыри содраны.

В боли/слезах/алкогольном бреду,
Из перегной ошибок и промахов
Бабочкой строки расправил, кольнул
Острыми буквами, вылетел с шорохом.

Кожа с изнанки стихами кровит
И расцветает саднящими ранами.
Если ты пишешь о бесах своих,
Ты причащаешься тайному знанию.

город спит под покрывалом из июньских обещаний,
из надежд на перемены

(прошлым летом не сбылись),

я свое забыла имя – нет поэта безымянней,
напеваю сонных улиц законный вокализ.
нижней нотой – пьяный шепот припозднившихся
прохожих,
верхней нотой – смех соседки

(курит, глядя в темный двор,
в телефон бормочет сладко: «спи-до-завтра-мой-хороший»,
улыбается, закончив нежный глупый разговор)

фоном рядом, из сто пятой, гневно плачет телевизор
льет безадресно, в пространство, в никуда речитатив,

домовой из сорок первой дребезжит в шкафу сервизом,
он обижен на хозяйку – снова в гости, не спросив,
из соседнего подъезда привела подругу-дуру

(прогрессивно заявляет: в этом мире мы одни)

стонет поезд-полуночник, ветер впишет в партитуру
новый голос, засмотревшись на сигнальные огни.
загулявший кот на крыше завывает в темень неба,
трется спинкой об антенны, проклиная прошлый март,

городская ночь – как сказка, справа – явь, а слева – небыль,

в ней о прошлом ностальгия, предвкушения азарт,
искры ласк, до боли жгучих, отголоски снов и песен.
электричество желаний зажигает фонари,

манит сумрак прогуляться, он безбрежен и чудесен.
кто не спит – того кусает ночь под кожей изнутри.

Металл

в огненных тисках землю сжал пятой злой стихией металл,
соль её – ружейная сталь, рваных ран в нечистых бинтах –
сотни, мир – осколочный ад, сколько их, чужих неживых?
блеск патронов, гроздь гранат из-под чьей-то грязной
попы,

прибыль – смерть на деньги менять. взламывают грунт
изнутри

сплавы из живого огня, тащит в бесконечный бэд трип
крови медный вкус на губах, храма скрип под шагом сапог,
«сжался!» крик – уже не мольба, а надежды жгучий
глоток.

дрожью от вольфрамовых ласк не насытит жадную тьму.
ржавый успокоится лязг, визг станков в сернистом дыму
всем свёрл и скрипом цепей не нарушит жуть тишины.
и нельзя того, кто отпет, со скамьи вернуть запасных.
мир агонизирует наш, в гниль и пыль рассыпан людьми.
Боже, если новых создашь, то давай-ка их вразуми.